***Ключевые слова**: геортоним, партитивный,суточнопартитивный, недельнопартитивный, коннотативный компонент, апеллятивное словосочетание, мультитемпора.*

Bocharova I. V., Chervinska L. M. Heortonym-multitempora as base of creation of partitive heortonyms

The article is dedicated to a particular group of onyms which function as appellations of separate religious holidays as self-reliant heortonyms, relationships between the type of the object of nomination and means of its language representation are determined.

***Keywords:** heortonym, partitive, day-partitive, week-partitive, connotative component, appellative word-combination, multitempora.*

Брык М. М.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются средства создания восточных мотивов в творчестве русскоязычного писателя тюркского происхождения. Внимание уделяется языковой личности писателя-билингва и особенностям создания восточного колорита средствами русского языка.

***Ключевые слова**: язык, культура, языковая личность, писатель-билингв, восточные мотивы.*

Когнитивистика является одной из отраслей современной лингвистики и изучает знание и мышление в их языковом взаимодействии. Язык и речь предоставляют лингвистам доступ к сознанию и мышлению человека, но не потому что большинство результатов мыслительной деятельности вербализируется, а потому, как утверждает Е. С. Кубрякова, что "мы знаем о структурах сознания только благодаря словесному пространству, которое позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке" [4, с. 21].

Язык и культура хоть и являются относительно самостоятельными феноменами, но всё же связаны через значения языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры. В. фон Гумбольдт утверждал, что национально-культурное "освоение мира" происходит под воздействием родного языка, так как мы можем судить об окружающем нас мире только единицами родного языка, пользуясь при этом его концептуальной системой и оставаясь в рамках, обозначенных языком [1].

Не случайно в современной лингвистике проблема взаимодействия языка и культуры является актуальной и даже разрабатывается такое новое направление, как лингвокультурология, где язык представляется в качестве "культурного кода нации". Каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, а языковые единицы приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и служат средством передачи основных ее установок.

Одной из современных тенденций языкознания является исследование человеческого фактора в речевой деятельности. Представление об индивидуальном характере владения языком зародилось в XVIII-XIX вв. в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ и К. Фосслера.

Носителем вербального мышления является языковая личность, человек, живущий в конкретном языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц, смыслах текстов [7, с. 186].

Изучение языковой личности в российской лингвистике проводилось Ю. Н. Карауловым, который под языковой личностью понимает "совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание им речевых произведений (текстов)" [2, с. 3]. Ю. Н. Караулов предложил рассматривать языковую личность на трех структурных уровнях: 1) нулевом – вербально-семантическом (лексикон личности); 2) первом – лингво-когнитивном (тезаурус личности); 3) втором – мотивационном (прагматикон личности).

Вслед за Ю. Н. Карауловым другие исследователи предложили также трехуровневою модель языковой личности. И. П. Сусов выделяет формально-семантический, когнитивно-интерпретационный и социально-интерактивный уровни [8, с. 3]. Несколько другую идею предлагает В. Д. Лютикова: "Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности, поэтому она не всегда применима для изучения конкретной личности. В индивидуальной речевой ситуации вербальный, когнитивный и прагматический уровни идентифицируются. Кроме того, любая личность соединяет в себе элементы стабильности и изменчивости, она подвержена внешнему влиянию и не лишена внутренних конфликтов. Наличие устойчивости и непостоянства языковой личности, испытывающей воздействие различного рода факторов, еще более усложняет структуру языковой личности" [5, с. 9]. Она же предлагает следующее определение языковой личности: "Языковую личность следует понимать как совокупность языковых свойств, типичных для некоего конкретного человека" [5, с. 10]. Понятие языковой личности рассматривает в своих работах и Н. К. Фролов: "Феномен языковой личности для лингвиста раскрывается через посредство когнитивной оценки речевой культуры, многосторонней речевой деятельности homo sapiens… Феномен языковой личности – это проявление сверхспособностей конкретного индивида в его речевой деятельности. Языковая личность реализует себя благодаря особым качествам, отражательным возможностям познания языкового пространства" [9, с. 323].

Когнитивный аспект языковой личности – это мера и степень освоения мира человеком посредством языка. Каждая языковая личность отбирает и использует именно те средства, которые отображают ее жизненную позицию. В языковом поведении человека воплощается духовное содержание личности, мир ее ценностей и идеалов, что выражается в чертах ее характера, в стереотипах поведения. Анализ языковой личности возможен только лишь на основе всех составляющих ее структуры. Например, выбор лексических единиц свидетельствует о коммуникативной компетентности повествователя. В слове проявляются черты его эмоционального состояния, его интеллект, умение управлять коммуникативным процессом. На лингвокогнитивном уровне проявляется отношение языковой личности к основным понятиям культуры – концептам. Концептуальная картина мира дает возможность изучать творческие особенности повествователя, его мировоззрение.

Художественный текст является источником для изучения языковых личностей персонажей, но поскольку персонажи – это порождение авторской мысли, то на основе художественного произведения можно изучать и языковую личность его автора. Давая жизнь своим героям на страницах произведения, автор вкладывает в них частичку своей языковой личности. "В центре любого высказывания, любого текста находится авторское сознание субъекта, которое определяет и смысл, и словесную форму речевого акта в их социальной направленности" [2, с. 264]. Поэтому, анализируя

художественный текст, необходимо обращать внимание на личность автора, его индивидуальные особенности.

В условиях современной эволюции культур и глобализации мира актуальным является исследование языковой личности писателя-билингва. Развитие национальных культур требует все более новых способов описания окружающей действительности, как результат появляется целый ряд писателей, которые создают свои национальные образы средствами "второго языка".

Одним из них является Эльчин Сафарли – писатель из Азербайджана, который пишет на русском языке, рассказывая о восточных традициях, быте и любви. Несколько лет писатель жил в Стамбуле, что отобразилось в его творчестве, так как действие его первых романов происходит именно в Турции. Среди романов "турецкого цикла" и роман "Сладкая соль Босфора", который мы избрали в качестве материала для анализа.

Как писатель-билингв Э. Сафарли воспринимает свою этническую культуру, в основе которой лежит "первый" (родной) язык, несколько отчужденно и изображает ее средствами "второго" (русского) языка. Несмотря на это, в тексте романа сохранены маркеры разных уровней "первого" для писателя языка. Обращение автора к тюркским языкам наиболее заметно на лексическом уровне. Различия между культурами легче всего проследить с помощью лексических средств языка, поскольку именно номинативные единицы наиболее тесно связаны с внеязыковой действительностью. Национально-культурное своеобразие номинативных средств в тексте проявляется как в наличии безэквивалентных единиц, так и в лакунах, которые указывают на отсутствие в русском языке слов и значений, выраженных в тюркских языках.

Э. Сафарли использует тюркскую лексику для обозначения людей, вещей и явлений, которые относятся к выделенным в ходе анализа текста тематическим группам: 1) быт; 2) обычаи; 3) обряды; 4) религия; 5) родственные связи; 6) явления природы; 7) растения.

В данном исследовании рассмотрим тематическую группу "религия". Именно религия является отличительной чертой Востока. Начиная с XVII в. русская литература обращалась к идеям и образам Ислама, но случалось это крайне редко, что объясняется спецификой литературного развития России. В начале столетия осуществляются первые переводы стихов Саади на русский язык. В XVIII в. традиции восточной образности присутствуют в русской литературе еще как нечто внешнее, как стилистическое украшение. На данном этапе русская литература в результате контактов с художественными идеями мусульманского Востока превратилась в гибкую систему, податливую новым понятиям и художественным решениям. Важно и то, что она способствовала пониманию жизни и образа мыслей мусульманских народов.

Избранную нами тематическую группу возглавляет название религии мусульманского мира "ислам" (от тур. *islam* – покорность воле Бога). Ислам является одной из наиболее распространенных мировых религий, основными догматами которой являются поклонение единому Богу – Аллаху и признание Мухаммеда "посланником Аллаха". В тексте романа название этой религии употребляется довольно часто и в разных ситуациях:

"Не смотри на Стамбул, здесь многое европеизировано. В отдаленных регионах Турции ситуация иная. Там большинство женщин покрытые, их права нарушаются. Некоторые семьи строго исповедуют исламские традиции" [6, с. 33];

“Становится смешно, когда слышу, что турчанки для многих забитые женщины с тяжелой ношей ислама. Мы такие же женщины, как и все женщины. Со своим счастьем, любовью, страданиями, радостями” [6, с. 33];

“Тени глаз – темно-зеленые, <…> цвет ислама. Пророк Мухаммед любил этот оттенок” [6, с. 41];

“Восточная культура притягивала давно. Цитировала Низами Гянджеви, готовила долму из виноградных листьев, изучала законы ислама. Никакого корыстного интереса. Обычный интерес. Зародился в 13 лет. В день, когда дочитала роман о “птичке певчей” [6, с. 80];

“Не признавала религию, устоев ислама. Хотя являлась мусульманкой. Рано распрощалась с густотой бровей, с десятого класса легкий макияж” [6, с. 96].

Главным символом ислама является священная книга Коран (тур. *Kur’an* от араб. *al’koran<qur’an* – чтение). Коран содержит изложение догм и положений мусульманской религии, мусульманских преданий и норм права. Упоминания о Коране в тексте романа также являются довольно частыми, поскольку ничто так точно не способно передать колорит Востока, как религия, которая там царит, и книга, в которой прописаны основные догмы как религиозной, так и правовой стороны жизни:

“Коран гласит, что решение, принятое родителями в отношении ребенка, может быть только во благо” [6, с. 110];

“В доме из религиозных символов лишь Коран в дорогом переплете. Верующие” [6, с. 123].

Для отображения степени влияния религии на жизнь восточных людей Э. Сафарли довольно часто использует имя Аллаха (тур. *allah* от араб. *al-ilah* Бог):

“Аллах привел меня к Босфору, чтобы он излечил меня от тоски по Махсуну… Со временем боль утраты исчезла. Теперь моя тоска легкая, наполненная желанием жить” [6, с. 10];

“Арзу от тоски по мужу убила себя. Аллах покарал ее за грешный поступок. С того времени душа Арзу блуждает на земле, не познав рая” [6, с. 12];

“Подкармливая птиц зерном, старушка жалуется на подрастающее поколение. Она объясняет, что голуби прилетают на грешную землю из райских садов Аллаха” [6, с. 5].

Кроме речи персонажей, имя Аллаха встречается и в авторской речи, что еще раз напоминает нам об этнической принадлежности Э. Сафарли:

“На Нилюфер-ханым, которая сдает мне жилье, некогда родные стены теперь навеивают грусть. После смерти мужа Махсуна. Его забрал к себе Аллах ночью с четверга на пятницу” [6, с. 6];

“Вновь встречаю на Чамлыджа свою юную рыжеволосую соратницу Гюльбен. Смотрю на нее, жалея, что у меня не было сестры. Маме, мечтающей о дочери, Аллах даровал двух сыновей” [6, с. 16].

Персонажем, который традиционно противостоит Аллаху, является *шайтан* (от тюрк. şaıtan, от ар. şajtan – злой дух, дьявол в мусульманской мифологии). Вместо принятого и общепонятного в славянской культуре слова “дьявол” автор использует именно восточное наименование этого мифического существа:

“Оздемир – легенда Египетского базара. Местожительство старичка неизвестно. Все приходят – он уже раскладывает товар. Как проникает в закрытый по утрам склад, никто не знает… Большинство называют Оздемира шайтаном. Некоторые – божьим посланником. Ведь помимо специй он торгует лекарством от любых недугов” [6, с. 78].

Основным местом поклонения мусульман является *мечеть* (тур. mesçıt, meçıt, от ар. masdzıd – мусульманский храм). Для воссоздания картины и атмосферы Стамбула Э. Сафарли употребляет несколько названий самых известных мечетей:

"Купил декоративное лимонное деревце. Посажено в симпатичном глиняном горшочке. На его шершавой поверхности два рисунка – мечеть святой Софии в Стамбуле и Девичья башня в Баку" [6, с. 5];

"Колорит востока, шум прибоя под аккомпанемент чаек, звучание азана, свобода порывов, могущественная Голубая мечеть" [6, с. 35].

В последнем предложении стоит обратить внимание и на слово *азан* (призыв к обязательной молитве у мусульман). О происхождении призыва на молитву существует несколько версий. Согласно одной из них пророк Мухаммед ввел ритуал "азана" по аналогии с колокольным звоном у христиан и звуком трубы у иудеев. Это слово незнакомо большинству читателей и автор не дает никаких пояснений ни в самом тексте, ни в сносках к нему. Это объясняется наличием лакуны в русском языке, поскольку ислам, как и любая другая религия, содержит в себе массу обрядов и ритуалов, не свойственных другим вероисповеданиям. Этим же можно объяснить и употребление такого слова как *намаз* (от тур. namaz – мусульманский религиозный обряд, при котором молитва сопровождается омовением рук и ритуальными телодвижениями). Но когда автор упоминает виды намаза, которые осуществляются на протяжении, дня он иллюстрирует их различие в сносках. Так *сабах-намаз* – утренний намаз, *ахшам-намаз*, соответственно, вечерний намаз.

Еще одним священным ритуалом для мусульман является *орудж* (тур. oruç): *"Она [Шинай] верит в Аллаха. Совершает пять раз в день намаз, соблюдает орудж, посещает мечеть"* [6, с. 33].

Слово весьма незнакомое для русского читателя, поэтому автор предоставляет довольно детальное объяснение: *священный пост у мусульман. Он предусматривает воздержание от приема пищи в дневное время суток в месяц Рамазан как подчинение предписанию Аллаха* [6, с. 33].

При описании исламских обрядов автор употребляет также термины, обозначающие духовных лиц: *"До последнего вздоха скучала по Стамбулу. Ей снился Дворец Долмабахче, босфорские дельфины, мост Ататюрка. Ей слышался голос муэдзина с минарета, балаган Египетского базара Стамбула, где пахнет специями"* [6, с. 45]. Тур. müezzın – служитель мечети, призывающий мусульман на молитву. С годами существования этой должности к ней выработались специальные требования: муэдзин должен был обладать мощным, но приятным голосом, который должны были слышать все жители данной местности. Мелодичному произнесению слов азана обучали тех детей, которые обнаруживали способности к пению. Иногда функции муэдзина переходили по наследству. Семьи, в которых были слепые мальчики, видели в карьере муэдзина возможность для своих детей получить источник пропитания, так как муэдзин считался служащим мечети с определенной зарплатой. Кроме того, поднимаясь на минарет, слепой муэдзин не видел того, что происходит во дворах и домах жителей и, в частности, женщин. Данное слово не отображено в наиболее популярных толковых словарях, также отсутствуют комментарии в тексте, что обусловливает сложность для его понимания. Это касается и следующего слова: *"В 19 лет потерял родителей – с промежутком в год оба высохли от рака. На поминках не плакал, молча слушал муллу"* [6, с. 88]. Тур. molla – знаток и служитель мусульманского культа. В Российской империи муллами часто называли всю совокупность существующих мусульманских духовных лиц, иногда учителей медресе и просто грамотных людей.

Подводя итоги исследования, укажем, что использование Э. Сафарли в романе “Сладкая соль Босфора” религиозных терминов, их объяснение и конкретизация способствуют созданию восточного колорита в тексте произведения. Многократное повторение тюркских слов помогает читателю освоить их в смысловом, грамматическом и словообразовательном планах.

Пытаясь изобразить культуру восточного народа средствами русского языка, писатель способствует развитию межкультурного и межрелигиозного диалога, что является основным заданием в условиях современной глобализации мира.

Л и т е р а т у р а :

1. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : ОАО ИГ “Прогресс”, 2000. – 400 с.
2. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 267 с.
3. *Крысин Л. П.* Илюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2011. – 864 с.
4. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – 154 с.
5. *Лютикова В. Д.* Языковая личность и идиолект / В. Д. Лютикова. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1999. – 185 с.
6. *Сафарли Э.* Сладкая соль Босфора / Э. Сафарли. – М. : Астрель, 2008. – 136 с.
7. *Степанова Ю. В.* Языковая личность и аспекты ее изучения / Ю. В. Степанова // Вестник Тюменского государственного университета. – № 1. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2012. – С. 186–192.
8. *Сусов И. П.* Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // Языковое общение процессы и единицы. – Калининград, 1988. – С. 7–13.
9. *Фролов Н. К.* Избранные работы по языкознанию. – Т 1. Антропонимика. Русский язык и культура речи / Н. К. Фролов. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005. – 509 с.
10. Rusça-Türkçe Türkçe-Rusça cep sözlüğü / ed. A. Kazımova, S. Merıç, M. Eskına. – Istambul : Eko Ofset, 2005. – 587 s.

Брик М. М. Східні мотиви у творчості російськомовного письменника тюркського походження.

У статті розглядаються засоби створення східних мотивів у творчості російськомовного письменника тюркського походження. Приділяється увага мовній особистості письменника-білінгва і особливостям створення східного колориту засобами російської мови.

***Ключові слова**: мова, культура, мовна особистість, письменник-білінгв, східні мотиви.*

Bryk M. M. Oriental motifs in the works of a Russian speaking writer of Turk origin.

The article is devoted to the analysis of the means of oriental motifs creation in the literary text. The focus is on the language personality of the bilingual writer and the main features of creation of oriental motifs by the means of the Russian language.

***Keywords**: language, culture, language personality, bilingual writer, oriental motifs.*